

Василий Аксенов как хранитель русского авангарда

Войдя с диктофоном в его кабинет, обнаруживаешь хозяина сидящим на полу в шортах (по причине знойного «бабьего лета» на Потомаке) и фотографирующим слайды с портретами Ларионова и других русских художников-авангардистов 1910-х.

Вдруг Аксенов хмуро произносит: «Я так люблю этих людей. Мне кажется, я живу среди них, а не среди нынешнего сброда...»

Допустив, что это не ко мне, начинаю студенческий расспрос.

ТЕЧЕНИЕ АВАНГАРДА: ОТ ХРИСТА К ПАСТЕРНАКУ

«Мифы утопии». Таков подзаголовок аксеновского курса. Полное название: «Модернизм и авангард в русской культуре начала XX века». Туда входят проза, живопись, кино, театр, архитектура, дизайн и даже авиация.

— Всегда удивляюсь, почему именно на тот период пришлось такое количество бурно талантливых людей. Ведь страшные годы.

— А это вот загадка человеческой цивилизации. Невероятное что-то. Но уж никак не связанное с революцией. Моя-то концепция, что авангардисты вообще дети того, против чего были большевики. Перед революцией они вдруг все взлохотили такой колоссальной порослью. Как грибы. Россия тогда впервые перестала имитировать Запад, а ушла вперед.

— С чего вы начинаете свой курс?

— С философии авангарда: Владимира Соловьева и Николая Федорова.

— Никогда не подумал бы, что их можно отнести к авангарду!

— Соловьев — родоначальник модернизма. Он вдохновил всех символистов. Речь Мережковского в 1892 году вся инспирирована соловьевскими идеями. Федоров своей теорией воскрешения из мертвых говорил о гармонии материальной. Он был не символическим, а футуристом.

— Выходит, и Новый Завет для своего времени был авангардом.

— Конечно! Иисус был сам колоссальный авангардист! Это не просто одиночка появляется, а движение начинается. С колоссальным массовым вдохновением. Иисус и возглавил это движение. Он был новатором иудейской религии.

Возвращаясь к Федорову. Многие футуристы тогда подсознательно имели в виду федоровскую теорию. Они подспудно думали именно об этом типа божественном промысле. О воскрешении плоти. Маяковский даже обращается к ученому будущему: «Воскреси, воскрес!»

Вообще модернистское течение является реакцией на кризис духовных отцов Ленина — позитивистов XIX века. То есть возник уже XX век. А Ленин к нему не имел никакого отношения. Это абсолютное исчадие позитивистской философии прошлого столетия.

— Базаровец?

— Да-да. Базаровец. Нигилист! Механическая модель мира. Достоевского, Толстого, Гоголя он оценивал только с точки зрения критики ими социальных пороков. Все остальное называл «идеалистическим мусором». Я считаю, что первая мировая остановила течение времени, течение авангарда на несколько лет и дала последний шанс этим позитивистам-классификаторам, которые классифицировали все, классовую теорию создавали. Это был их последний шанс. Если бы в России несколько раньше развились наука XX века, технология и искусство, никакой революции большевистской просто не могло бы быть. И он понимал, что это его последний шанс, Владимир Ильич. Что поезд истории просто уходит. И он его в России под откос пустил в последний момент...

— Почему же многие русские авангардисты так радостно приняли революцию?

— В России произошло колоссальное недоразумение с авангардом. Футуристы и прочие конструктивисты, они вдруг вообразили, что их революция в искусстве и революция большевиков — это явления одного порядка. И стали себя предлагать. Этим они на несколько лет продлили свою агонию. Но в конце власть показала, что она не имеет к ним никакого отношения. И они — к ней.

— С чего вы начинаете преподавать литературу авангарда?

«ГАРД» — по-английски хранитель.

Аксенов хранит традиции русского авангарда начала века не только

метафорически — в своем

творчестве, но практически —

в архивно-авангардной библиотеке

своего вашингтонского дома

и в курсе, который Василий Павлович

ведет в университете Джорджа

Мэйсона в штате Вирджиния, где

профессорствует уже шесть лет.

— С «Петербурга» Белого. Мы на нем застреваем почти на целый семестр. Потом Блок, Гумилев, Ахматова, Мандельштам. Я подробно даю предреволюционный период: все эти Гиллеи, «Пощечины общественному вкусу», группы кубо-футуристов, эго-футуристов, их борьбу, «Мезонины поэзии», «Бубновый валет», «Олиный хвост». А потом советский период. Хлебников. И все, что было во-

Юлия Аксенова

круг него. Маяковский. И все вокруг, включая конструктивизм, ЛЕФ и гибель авангарда. Потом Есенин, группа имажинистов вокруг него и его трагедия. И последняя фигура — человека, который единственный выжил как представитель авангарда. Я все-таки считаю его авангардистом. Пастернак.

Он же был основателем одной из самых сильных и влиятельных футуристических групп — «Центрифуга». Вместе с Бобровым, Аксеновым Иваном. И он как-то нашел свою нишу внутри социалистического реализма, но его авангардистская ментальность все-таки привела его к бунту.

ЛЕФОВСКИЙ БУМ В АМЕРИКЕ И АНТИБУМ В РОССИИ

— Кого вы преподаете из художников?

— Я к ним перехожу по ходу. Я говорю о Маяковском и начинаю рассказывать о его графике, работе в рекламе, и сразу возникает русско-советский конструктивизм и советская пропаганда. У меня целый альбом. Плакаты тех спектаклей, фильмов. И американцы балдеют от этого... Но еще больше — персы. У меня несколько персов в классе. Они думают, что Россия была тогда такая, как Персия. Мы вчера говорили о начале 1910-х, и один перс спрашивает: «А Россия была тогда независимая?»

Вообще у американцев сейчас бум русского авангарда. Недавно в Нью-Йорке была выставка «Великая утопия», самое большое впечатление на них произвели даты. Они не могли поверить, что это все сделано в 1910—1920-х. В смысле живописи в те годы Америка была провинциальной заводью. И мои студенты не могут поверить, что это все было в

России тогда! И особенно лица, портреты тех русских авангардистов приводят моих студентов в оцепенение. Они не могут себе представить, что русские могли быть такими. Не мужичье, не хамы, а вот такие — артисты.

Потом у меня в курсе Мейерхольд. Показываю даже документальный фильм с большим куском из его биомеханики. Потом Эйзенштейн, Пудовкин, Дзига Вертов, архитектура модернизма: Шехтель, все эти «Метрополи», особняк Рябушинского. Потом 20-е годы. Татлин как дизайнер, его башня как максимальное выражение свободы. Планер «Летатлин»... Его стул, кстати, производит впечатление. Стул, который он сделал, по моему, в 1921 году: гнутые трубы и подвешенная качалка. Студенты не верят, что это было тогда! Еще до Пикассо.

— А в России сейчас есть авангард?

— Авангард вообще немислим без общего подъема. Грубо говоря, без массового порыва. Сильного настроения, такого совместного хулиганства. Этого нет сейчас. Ведь они «Бубновый валет» создавали, они ставили гам свои мольберты и лабали там вместе. Одновременно. И туда же приходили поэты, писатели. То, что сейчас называется «тусовка». В Москве опять полно клубов, но теперь это бессмысленное толковище: кто, где, что и с кем, — а тогда это было творческое брожение, пусть хулиганское.

— Может быть, сейчас в России недостаточная разруха для творческого подъема?

— Авангард начинался в период процветания, когда Россия вдруг почувствовала себя европейской страной. Сейчас до процветания далеко. И до авангардной ментальности тоже.

— А может быть, и не надо его восстанавливать. Ведь время авангарда прошло. Он умер.

— Не думаю. Эстетическая революция, начатая теми русскими авангардистами, в отличие от большевистской революции, до сих пор продолжается. Современная цивилизация еще не прожевала авангард, не то что не переварила. Так что авангард жив. Его жуют еще. К сожалению, часто гнилыми зубами, но жуют.

— А может быть, пора перестать жевать авангард и попробовать классику?

— Некоторые об этом задумываются. Вот вам концовка моего недавнего рассказа:

«Ну ладно, Миша, кончай», — говорил мучителю человек прошлого. «Ну все, сдаюсь, не выдерживаю боли. Ну что ж ты все давишь, Михаил? Правил не знаешь? Ну отпусти раздавленного врага! Не ломай руку, пожалуйста. Ты что, приверженец жестокости?»

«Вовсе нет. Это просто законы постсоветского жанра», — легко и даже доброжелательно ответил агент, но все-таки вывернул до конца и выдернул корчагинскую руку.

За ней последовала очередь второй конечно-сти. Потом третьей. И наконец четвертой. Освобожденное от этих органов тело Корчагина мирно лежало теперь на асфальте, подобно одной из тех циклопических черепах, на которых Артур Шопенгауэр делал свой классический пример порочного круга жизни.

Охватив ладонью корчагинскую голову, Миша обрвал с нее уши, нос, губы, прочую мелочь и швырнул со звоном на асфальт. Потом подтолкнул тело носком ковбойского сапога, и оно легко заскользило в сторону гостиницы «Метрополь», из которой как раз с шумом выходила подгулявшая компания.

«Экая гоголиана, — устало вздохнул Миша Белосельский-Белозерский. — Экое утомительное кафкианство, экая мамлеещина, экий соррокинизм. Нет, мы все это как-то иначе организуем. В нашем поколении будет больше мягкости, лунного света, бронзовых торсов, гулких улиц, арок, акведуков, амфитеатров. В новую литературу, может быть, еще прорвется голоса флейт. Мы, естественно, обратимся к классицизму, покажем красоту как физиологии, так и психологии высших приматов. Все еще вернется на круги своя».

Беседу вел
Дмитрий РАДЫШЕВСКИЙ,
сборник «МН»
Нью-Йорк—Вашингтон